

Глава 51. Место в объятиях

Ветер задерживался в пустом чреве горы и раскачивал подвешенный в воздухе огонь так, что тот то вспыхивал ярче, то мерк.

На лице юноши застыла почти благоговейная серьёзность. С самым честным видом он прижимался лицом к животу Фу Линцзюня. В прошлый раз, когда великому злодею было особенно плохо, Сян Син делал точно так же. Казалось, надо прижаться как можно плотнее, только тогда это действительно работает.

Нельзя думать криво, ни в коем случае нельзя. Да, место и правда было самую малость неловким, но сердце у него совершенно чистое! Никаких непристойных мыслей о великом злодее у него нет. Он сейчас просто лечит его, и ни капли личного умысла здесь нет!

Почувствовав, как Фу Линцзюнь инстинктивно хочет отстраниться, Цзян Тан снова превратился в маленького осьминожка: протянул руки, обнял его за крепкую талию и прижался всем лицом ещё сильнее.

— Так... хорошо?

Голос у него был мягкий, липкий от сладости, словно клейкий рисовый пирожок.

И пока щеночек изо всех сил уверял себя, что никакой корысти у него нет, уши у него уже вспыхнули так, будто вот-вот загорятся.

У-у-у, ну почему его голос такой мягкий? Даже ему самому от него делалось как-то не по себе. Очень уж похоже на то, как говорят в тех самых неприличных роликах.

От одних только собственных жёлтых мыслей лицо щеночка раскалилось до предела. Если бы на нём сейчас разбить яйцо, оно бы, наверное, тут же сварилось.

Фу Линцзюнь застыл всем телом, как деревянный.

Казалось, даже ветер, носившийся по пустому чреву горы, на миг остановился в этом выдолбленном каменном мире.

Группы чудовищ всё ещё расходились прочь, бессознательно издавая низкое рычание. Их тела тёрлись друг о друга, шаги звучали волочаще и беспорядочно. Каменные стены дрожали, сверху с хрустом падали камни, а мелкая пыль сыпалась вниз, как вода, с тихим шорохом... Все эти звуки многократно отражались от окружающих стен, переплетаясь и не умолкая.

Но Фу Линцзюнь слышал только дыхание Цзян Тана.

В его теле вдруг поднялась какая-то сухая жара, и даже дыхание стало тяжелее.

— Что ты делаешь? — спросил он.

При таком положении он слишком отчётливо ощущал очертания лица юноши. Мягкие щёки тесно прижимались к нему, а когда тот говорил, казалось, будто его губы прямо здесь, у него на животе, выпускают горячее дыхание.

— Помогаю, — Цзян Тан зажмурился и стиснул зубы, внушая себе, что сейчас он просто внешний аккумулятор. Да, именно так. Он прижимается к месту, где находится даньфу великого злодея, а вовсе не к чьему-то низу живота. И уж точно никакого отношения к тугим мышцам пресса всё это не имеет.

Но кубиков там и правда было восемь. Он почувствовал их очень ясно.

И тут же невольно вспомнил, как однажды в Долине Тяньбэй видел, как великий красавец мылся. Тонкая длинная шея, широкая спина, сильные мышцы, а когда тот обернулся — влажные волосы наполовину прикрывали прекрасное тело... Всё, всё, ещё немного — и у него сейчас кровь носом пойдёт!

Изначальное духовное пламя, висевшее у Цзян Тана на шее, приблизилось к своей ослабевшей второй половине. Даже разделённые, они могли чувствовать друг друга. А теперь, когда между ними оставался лишь слой одежды, сила, перетекавшая от одного к другому, медленно потекла по телу Фу Линцзюня.

Если раньше, после полного истощения духовной силы, Фу Линцзюнь восстанавливался медленно, как тоненький ручеёк, и за короткое время мог вернуть себе разве что одну-две десятых, то теперь собранное воедино изначальное духовное пламя вновь вливалось в его даньфу бурным потоком, подобным приливу. С такой скоростью меньше чем за полчаса можно было восстановить четыре-пять частей силы.

Против Цзян Чаньюаня и Ци Юаньлана, чтобы скрыть своё присутствие, этого было вполне достаточно.

Фу Линцзюнь не двигался.

Когда он понял, что Цзян Тан внезапно прижался к нему только для того, чтобы помочь ему восстановить духовную силу, собственная поднимавшаяся в нём жара вдруг показалась ему особенно постыдной. Он глубоко выдохнул и силой воли загнал всё внимание в циркуляцию духовной силы, запрещая себе думать о том, как сейчас выглядит этот юноша.

Так они и застыли в этой до крайности странной позе: один стоя, другой на корточках, — на бешеной скорости занимаясь «подзарядкой».

Когда первые минуты смущения немного прошли, Цзян Тан смутно почувствовал, что здесь есть что-то странное.

Погодите-ка. Разве это не то самое место, до которого вообще нельзя дотрагиваться? Почему у него самого от одного только прикосновения лицом к этому месту тело уже начало странно откликаться, а великий злодей вообще никак не реагирует?

Неужели... в каком-то смысле он не может?

Нет-нет, так думать нельзя. Как это великий злодей может не мочь? Да вы только посмотрите на это могучее тело, на эту тонкую сильную талию. Он одной рукой таскает его, как щенка, туда-сюда и даже не запыхивается. При таком телосложении как он может быть «не таким»? Да даже если бы сам Цзян Тан оказался бесполезным, великий злодей всё равно никак не мог бы быть бесполезным! Просто великий злодей вообще не считает его человеком! И это, в общем-то, нормально. Если бы у него была реакция на собственного домашнего питомца — вот это было бы уже странно.

К тому же великий злодей вовсе не гей. Поставь на его место какую-нибудь ослепительную красавицу — глядишь, он бы ещё и проявил из уважения хоть какую-то реакцию.

Прыгающие в стороны мысли уже дошли у Цзян Тана до того, что, возможно, он просто слишком некрасивый. Всё-таки серебряный морозный тигр всю дорогу твердил, что он уродливый, так что, может, в человеческом облике он и правда выглядит не очень.

Да и ладно. По сути он ведь просто из звериного довеска превратился в человеческий довесок. Какая разница, красивый он или нет — всё равно всего лишь аксессуар.

Подумав так, Цзян Тан перестал краснеть и, окончательно успокоившись, с чистой совестью потерялся о пресс Фу Линцзюня.

Мм, а он и правда твёрдый.

Как бы ни было не ко времени и как бы ни было странно место, где он сейчас лежал, но после превращения в человека Цзян Тан ещё ни разу толком не отдыхал. А теперь, вдохнув знакомый прохладный аромат Фу Линцзюня, он снова почувствовал сонливость.

До сих пор нервы были у него натянуты как струна. А теперь чудовища разошлись, великий злодей выглядел так, будто всё у него под контролем, и жадный до еды и сна щеночек перестал держаться. Прижав голову к Фу Линцзюню, он уже клевал носом, едва-едва удерживая глаза открытыми.

Фу Линцзюнь, до предела терпя это бесконечное трение о себя, уже собирался наконец проучить этого смельчака, когда тело юноши вдруг обмякло и завалилось в сторону. Он

машинально протянул руку, чтобы подхватить его, — и в ладонь ему упала только широкая одежда, а внутри неё оказался круглый белый щенок.

«...»

Весь жар в его теле исчез в одно мгновение.

* * *

Получив духовное послание от Ци Юаньлана, Цзян Чаньюань на предельной скорости прошёл через транспортную формацию области Усян на Восточном древесном континенте и прибыл в область Цянькунь.

В области Цянькунь царило оживление. Молодые участники Небесных Состязаний, старшие, которые их сопровождали, праздные зрители, пришедшие посмотреть на шумное событие, и представители разных сил, выискивавшие талантливых учеников, — всё это разогрело атмосферу во всей области до предела.

Едва Цзян Чаньюань ступил в область Цянькунь, стражи домена сразу его узнали.

— Владыка, вы вернулись.

Отряд из восьми человек почтительно склонился в поклоне.

Цзян Чаньюань всегда выглядел так, будто от него веет весенним ветерком. Сейчас он лишь чуть кивнул стражам и спросил:

— Почтенный Ци сегодня здесь был?

Стражи были глазами и ушами Цзян Чаньюаня. Услышав вопрос, один из них тотчас ответил:

— Докладываю владыке: почтенный Ци приходил, но вскоре ушёл.

Значит, он всё-таки опоздал на шаг.

Цзян Чаньюань легко взмахнул рукавом и громко сказал:

— Хорошо. Если сегодня сюда придёт глава Янь, проводите его в башню Цяньцяо.

— Есть.

Когда Цзян Чаньюань ушёл, один из стражей только тогда с запозданием спросил:

— Но разве владыка и глава Янь не очень близки? Зачем нам его «приглашать»? Не проще ли просто послать духовную весть?

— Эх, ты ничего не понимаешь, — другой страж приподнял бровь и с насмешкой ответил. — Когда владыка говорит «пригласить», это на самом деле значит связать и притащить. Они с главой Янь хоть и близки, но иногда всё же расходятся во мнениях. А когда глава Янь сердится, он вообще не принимает никаких духовных вестей. Вот в такие моменты владыка и велит нам силой доставить его в башню Цяньцяо.

— Вот оно как...

Так, переговариваясь, стражи продолжали нести дозор у транспортной формации.

Они думали, что ждать Янь Цунси придётся долго. Но не прошло и времени, за которое сгорает одна чайная свечка, как тот уже примчался в спешке. На ходу он ещё и разматывал бинты с собственной руки. Только собрался широким шагом пройти дальше, как отряд из восьми человек перегородил ему дорогу.

— Глава Янь, владыка приглашает вас в башню Цяньцяо.

Янь Цунси уставился на них с полным непониманием.

— В башню Цяньцяо? Зачем он сейчас зовёт меня туда? Некогда!

Сказав это, он уже поднял ногу, чтобы уйти.

Стражи только что успели как раз обсудить, как действовать в таком случае, и тут же всей толпой бросились его удерживать.

Будь это раньше, Янь Цунси ещё, может быть, и закрыл бы на подобную выходку глаза, позволив им себя «вежливо сопроводить». Но сейчас он только что получил духовную весть с просьбой о помощи от Е Чжэнвэня и совершенно не собирался встречаться с Цзян Чаньюанем.

Снятый с руки бинт он дёрнул вперёд. Длинная полоса ткани тут же взвилась в воздухе, словно живая змея, и в мгновение ока связала всех восьмерых стражей в одну кучу, как связку рисовых пирожков.

— Простите, простите! Когда вернусь, угощу вас всех в башне Цяньцяо вином! — бросил Янь Цунси и тут же смазал пятки, улепётывая во весь дух. Причём не поскупился: пообещал этим людям целую пирушку за свой счёт.

Тем временем Цзян Чаньюань, ускорившись, настигал Ци Юаньлана по его следу и как раз успел к тому моменту, когда тот, воспользовавшись его кровью, открыл барьер утёса Жисы.

— Святейший? — на лице Ци Юаньлана промелькнула неловкость. — Что теперь делать?

Цзян Чаньюань бросил взгляд на фарфоровый флакон в его руке. Улыбка у него оставалась мягкой, но в голосе уже проступил холод:

— Это твоя оплошность.

Е Чжэнвэнь внезапно принял участие в Небесных Состязаниях, Ци Цуньюй последовал за ним на утёс Жисы и погиб там. Хуай Чэнъинь и Шэн Исюэ, за которыми стояли влиятельные семьи, тоже застряли внутри горы-лабиринта. Смерть одного Ци Цуньюя сама по себе ещё не имела значения, но то, что скрывалось внутри горы-лабиринта, нельзя было показывать свету. Если в охотничьей зоне погибнут перспективные участники Небесных Состязаний, утёс Жисы уже не удастся сохранить в тайне.

— Я могу всё исправить! — кулак Ци Юаньлана то сжимался, то разжимался, мелко дрожа в рукаве. Лицо его было предельно серьёзным. — Если гора-лабиринт просто исчезнет, то даже если те дети умрут, это уже не будет...

Он не успел договорить.

Изнутри утёса Жисы вдруг донёсся огромный поток хриплых, жутких воплей.

Следом раздались шаги — всё больше, всё гуще, всё отчётливее.

Лицо Ци Юаньлана резко переменялось!

Неизвестно когда из утёса Жисы хлынули сотни и тысячи ходячих трупов, целыми стаями двинувшихся наружу. За бескрайним морем облаков эти ползущие потоки трупов были похожи на муравьиные колонны, одна за другой, бессчётные, неисчислимы. Те несколько сотен, что появились первыми, были только началом — следом изнутри всё выходили и выходили новые, будто все ходячие трупы, накопленные в горе-лабиринте, разом вырвались наружу.

Цзян Чаньюань нахмурился и прищурился.

Что-то здесь было не так.

Эти ходячие трупы всегда послушно сидели внутри горы-лабиринта. Даже если несколько и выбирались наружу, их быстро пожирали демонические звери утёса Жисы. Такой масштабный поток никак не походил на случайность. Скорее уж казалось, будто кто-то из-за кулис

намеренно управляет ими, желая вытащить наружу самый уродливый секрет горы-лабиринта.

— Убей их, — произнёс Цзян Чаньюань. — Ни одного трупа не оставляй.

Ци Юаньлан на миг заколебался:

— Но в их телах есть...

— Быстро! — Цзян Чаньюань легко оттолкнулся носком земли и взмыл в воздух. Сведя вместе указательный и средний пальцы левой руки, он указал ими на бесчисленную массу живых трупов: — Алое пламя трёх тысяч, явись!

Огонь. Плающе-красный, ослепительный огонь.

Такого огня было достаточно, чтобы окрасить всё небо в жгучую красноту. Огромные огненные цветы один за другим расцвели над утёсом Жисы. Разгоревшееся пламя не только охватывало вырывающихся наружу живых трупов, но и поджигало вековые деревья, а вместе с ними и демонических зверей, скрывавшихся в лесу.

Ци Юаньлан понял, чего хочет Цзян Чаньюань, и тоже взмыл в воздух. Он не владел огнём, будучи святым дао иной стихии, и потому лишь поднял бесчисленные ветровые лезвия, что пронеслись сквозь толпы трупов. Там, где они проходили, ходячие трупы разлетались бесформенными кусками и уже после этого сгорали в огне.

Трупов, вырвавшихся из горы-лабиринта, было не сосчитать. За тысячи лет их скопилось до ужаса много, и теперь они расплзались по всему утёсу Жисы. Вычистить их подчистую за короткое время было невозможно.

Вдруг ухо Цзян Чаньюаня едва заметно дрогнуло.

В следующее мгновение его самого будто оборвали с неба, как бумажного змея, и швырнули вниз — прямо на бешеные ветровые лезвия, которые выпустил Ци Юаньлан.

Янь Цунси, получив духовную весть Е Чжэнвэня с просьбой о помощи, мчался к утёсу Жисы так быстро, как только мог, и в тот момент, когда он добрался до входа в барьер, перед ним как раз разыгрывалась ожесточённая схватка между Цзян Чаньюанем и Ци Юаньланом.

— Чаньюань!

Он вообще не понимал, что здесь происходит, но только успел увидеть, как после удара Ци Юаньлана его старый друг отшатнулся в воздухе на несколько шагов, зажал грудь и выплюнул полный рот крови.

Ветровые лезвия распорили одежду Цзян Чаньюаня и даже срезали прядь его чёрных волос.

Лицо Цзян Чаньюаня побледнело как мел. Только получив такую тяжёлую рану, он наконец выхватил духовный меч и гневно крикнул, нацелив его на Ци Юаньлана:

— Я щадил тебя лишь потому, что прежде ты не совершал тяжких ошибок, и уговаривал повернуть назад. Раз ты не желаешь — сегодняшнее дело мы закончим нашими жизнями!

Меч, поражающий нечисть, в руках Цзян Чаньюаня всегда рубил только зло и защищал горы и земли. Теперь же по клинку взметнулся слепящий стеклянный свет, и он стремительно вонзился в Ци Юаньлана.

На лице Ци Юаньлана застыло полнейшее изумление. Глаза его распахнулись, когда меч уже летел к нему, — но он даже не попытался увернуться и так и позволил клинку насквозь пройти через его тело.

— Угх... — в тот миг, когда меч вошёл в тело, огромная духовная сила рванула по внутренностям Ци Юаньлана, а небесный огонь, способный сжечь всё на свете, уничтожил его незащищённое тело изнутри и снаружи.

Судорожной рукой он вцепился в меч, глаза его налились кровью, и он злобно уставился на Цзян Чаньюаня:

— Ты... ты всё-таки...

Бесконечный ветер взвился вверх, поглотив их обоих.

Янь Цунси остолбенел.

Он замер всего на миг, а в следующее мгновение Ци Юаньлан, объятый небесным огнём, уже сгорел без остатка, а его близкий друг снова выплюнул кровь и камнем рухнул вниз.

— Чан... Чаньюань... — Янь Цунси наконец отмер и, прежде чем тот ударился о землю, бросился вперёд и успел его подхватить.

Кровь хлестала у Цзян Чаньюаня изо рта одна за другой, заливая подбородок, шею и белые одежды. Янь Цунси без остановки вливал в него духовную силу, но всё это было как вода, ушедшая в песок: никакого ответа он не получал.

Тело Цзян Чаньюаня слабело с пугающей быстротой.

Янь Цунси распирало от вопросов. Почему Цзян Чанъюань и Ци Юаньлан вообще сражались? Почему дело дошло до того, что Цзян Чанъюань убил Ци Юаньлана? Достигнув ступени святого дао, пусть Ци Юаньлан и сильно уступал Цзян Чанъюаню, но не настолько, чтобы тот мог убить его одним ударом. Он сам был примерно того же уровня, что и Ци Юаньлан, и всякий раз, когда спарринговал с Цзян Чанъюанем, если был готов заранее, мог выдержать сотни, а то и тысячи обменов ударами. Разве только... Ци Юаньлан только что вовсе не защищался.

Но если он не защищался, то как ему вообще удалось ранить Цзян Чанъюаня? И ранить так тяжело?

Внутри горы-лабиринта Фу Линцзюнь вдруг открыл глаза.

Юноша, который только что с полной уверенностью клялся лечить его, снова превратился в мягкий белый комочек и теперь спал у него на руках, раскинувшись на спине, да ещё и высунув язык. Фу Линцзюнь со злым удовольствием ткнул пальцем в этот мягкий кончик языка, и комочек тут же закрыл рот. Но спустя мгновение снова его приоткрыл и, совершенно по-лакомому, лизнул палец, оказавшийся у губ.

Он прикинул время: Янь Цунси наверняка уже успел застать то самое представление. Поэтому он просто пошёл назад той же дорогой, неся комочек на руках.

Без человека, управлявшего формацией, сотрясения внутри горы-лабиринта давно уже прекратились.

Первым Фу Линцзюнь заметил Е Чжэнвэнь. Он вскочил с места и тут же бросился навстречу:

— Брат Линь, брат Линь! Слава небесам, с тобой всё в порядке! А то ты сказал, что пойдёшь искать выход, и так долго не возвращался, я уж думал...

Не договорив, он поспешно сплюнул через плечо:

— Тьфу-тьфу, не считается. А Сяо Бай опять спит?

Фу Линцзюнь чуть плотнее запахнул полы одежды, пряча в ней белого щенка.

— Пошли, — сказал он. — Я нашёл выход.

Е Чжэнвэнь пока ещё не знал, что его ждёт не только радость от спасения из горы-лабиринта, но и несколько совершенно неизбежных пороков.

Разумеется, Цзян Тан не знал об этом тоже. Он в объятиях Фу Линцзюня беспробудно спал и

очнулся только тогда, когда уже вернулся в постоянный двор в области Цянькунь.

В комнате стояла тишина.

Он страшно проголодался. Сонно выбравшись с кровати, он кое-как натянул на себя одежду и, босой, спустился вниз.

Внизу Фу Линцзюнь всё ещё сидел с тем самым неприметным лицом и вёл с уцелевшими молодыми людьми не слишком искреннее светское общение.

— Ш-ш-ш... — Е Чжэнвэнь упирался руками в стул и не смел толком сесть, потому что больно было ужасно. Скаля зубы, он жаловался: — Мой дядя и правда бил от души... Но Хуай Чэнъинь! Не слишком ли это — свалить на меня всю ответственность? Ладно, вину госпожи Шэн я ещё могу на себя взять, но с какой стати я должен тащить и твой котёл на своём горбу?!

Пошипев от боли, он окончательно понял, что сидеть не может, и потому медленно поднялся со стула, опёрся руками о его спинку и стал есть стоя вместе со всеми.

Тут по лестнице спустился юноша с алыми губами и белыми зубами. Волосы у него были чёрные, глаза тоже чёрные, но всё равно от него исходила какая-то неуловимая демоническая красота.

Вид у него был сонный. Он потер глаза, лениво зевнул, а потом, заметив сидящих внизу, чуть просветлел лицом и, босиком перебирая ногами, побежал вниз. А добежав, совершенно естественно забрался прямо в объятия брата Линя.

<http://bllate.org/book/17032/1644403>